

НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ



## ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА КАК ИСТОЧНИК РАССКАЗА ГЕНЕРАЛА ИВОЛГИНА О НАПОЛЕОНЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

**П**рактически все творчество Ф. М. Достоевского пронизано мощным и разносторонним присутствием в нем текстов А. С. Пушкина и проникнуто явным или скрытым диалогом с ними как героев, так и самого автора. Однако роман «Идиот» здесь заметно выделяется тем, что в нем Пушкин представлен в виде напрямую упомянутого, конкретного собрания сочинений, изданного П. В. Анненковым в 1855 — 1857 годах. Это издание хранится в доме у «преуважитанного» Лебедева<sup>1</sup>, и его он готов продать «за свою цену-с» семейству Епанчиных. Как обращает внимание в своей статье Т. А. Касаткина, в «Идиоте» это собрание не просто является *книгой в книге*, но своего рода персонификацией поэта. В частности, она пишет:

...в романе читают, дарят и имеют или не имеют в доме не книги — но «Пушкина»: «Да у нас, кажется, совсем нет Пушкина» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, с. 210]; «Что это? — обратилась Лизавета Прокофьевна к Вере... которая стояла пред ней с несколькими книгами в руках, большого формата, превосходно переплетенными и почти новыми. — Пушкин, — сказала Вера. — Наш Пушкин» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, с. 212]; и наконец: «Это собственный, семейный, фамильный наш Пушкин» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, с. 212] — и в этих последних словах Лебедева прямо звучит идея вхождения развивателя человечества в корень каждого отдельного семейства, которому он не родня по роду, но становится родней и истоком по духу [Касаткина, 2024, с. 225].

При анализе фантастической истории генерала Иволгина о Наполеоне, имеющей, в числе прочего, немало отсылок к произведениям Пушкина, мы

---

Николай Николаевич Подосокорский — историк литературы, литературовед. Родился в 1984 году в Новгородской области. Окончил исторический факультет Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автор многочисленных научных трудов, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX — XXI веков. Живет в Великом Новгороде.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта №25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф. М. Достоевского 1859 — 1881 годов».

<sup>1</sup> Собрание сочинений Пушкина, изданное Анненковым, вероятно, имелось и в домашней библиотеке Достоевского. Л. П. Гроссман предполагает, что этим изданием Достоевский пользовался до конца жизни [Библиотека Достоевского, 2005, стр. 82, 84].

также будем ссылаться главным образом на упомянутое издание Анненкова, то есть на те варианты пушкинских текстов, которые читают и обсуждают герои «Идиота». Начнем с того, что Ардалион Иволгин, имеющий репутацию опустившегося пьяницы и патологического лжеца [Макаричев, 2018], сам называет себя в первой части романа «несколько поэтом в душе» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 109], что может восходить к оценке, данной другу Пушкина, барону Антону Дельвигу в первом томе анненковского издания: «Дельвиг был истинный поэт, но поэт в душе, лишенный способности воспроизведения своих созданий» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 1, стр. 61]. Воспроизведение генералом Иволгиным созданий своего воображения, как правило, вызывает смех и стыд у его слушателей и собеседников, хотя его, на первый взгляд, «насквозь лживые» рассказы имеют под собой богатую биографическую, историко-литературную и даже метафизическую основу (см.: [Подосокорский, 2009], [Подосокорский, 2010], [Касаткина, 2020, стр. 29 — 32], [Магарил-Ильяева, 2024]).

Вымышленный рассказ генерала Иволгина о его службе камер-пажом у Наполеона в Москве 1812 года, который воспроизводится им в беседе с князем Мышкиным в четвертой части романа «Идиот», является не только последней по времени более-менее связной историей героя, но и «часом окончательной судьбы», «святой минутой» его [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 404]. Созданная Иволгиным наполеоновская легенда построена на обращении к множеству самых разных сочинений, посвященных императору французов и его эпохе: от стихотворений и исторических романов до мемуаров и военно-исторических трудов. Как верно отмечает А. Л. Вольский: «Его небывлицы, с одной стороны, пародийно воспроизводят „правдивые“ истории наполеоновских ветеранов, а с другой, отражают атмосферу чуда, присущую всей наполеоновской эпохе, — когда невозможного словно не было, когда в одночасье создавались королевства, а рядовые производились в маршалы Франции» [Вольский, 2021, стр. 66].

Одним из важнейших источников исторических фантазий Иволгина, несомненно, послужили произведения Пушкина, которые уже рассматривались в этом аспекте разными достоевистами ([Альми, 1992], [Волгин, 1993], [Подосокорский, 2010], [Подосокорский, 2023a] и др.). Ряд наших наблюдений был включен в научный комментарий к роману «Идиот» в Полном собрании сочинений Достоевского «Канонические тексты» в 15 томах, издаваемом с 1995 года Петрозаводским государственным университетом, и в Полном собрании сочинений Достоевского в 35 томах, выпускаемом с 2013 года ИРЛИ (Пушкинским Домом) РАН [Достоевский, 2013—, т. 9, с. 590, 808 — 812]. Однако комплексно проблема трансформации пушкинских произведений о Наполеоне генералом Иволгиным до сих пор не ставилась и не решалась.

Заметим, что генерал Иволгин, по всей видимости, как и Парфен Рогожин, прочел «всего Пушкина», поскольку в его рассказе актуализируется целый ряд пушкинских текстов, написанных в разные периоды творчества поэта, хотя и преимущественно стихотворных. Если шестнадцатилетний Пушкин в своей оде «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» (1815) сокрушается, что не стал участником и свидетелем Бородинского сражения по причине своего малолетства:

Почто, сжимая меч младенческой рукою,  
Покрытый ранами, не пал я пред Тобою  
И славы под крылом на утре не почил?  
**Почто великих дел свидетелем не был?**<sup>2</sup>

[Пушкин, 1855—1857, т. 2, с. 77];

<sup>2</sup> В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

то генерал Иволгин силой своего воображения переносит себя в образ десятилетнего ребенка в оккупированную французами Москву, настаивая на том, что он: «был личным свидетелем... великих событий» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 412], «сам был личным свидетелем...» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 412], «был очевидным свидетелем («громчайших фактов» — *Н. П.*), хотя и ребенком» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 414], «бывал свидетелем и величайших фактов» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 414]. Герой Достоевского как бы исправляет «несправедливость судьбы», на которую сетует юный Пушкин в своем лицейском стихотворении, и то, что не удалось реальному Пушкину, когда ему было тринадцать лет (стать *свидетелем великих дел* 1812 года), позволяет испытать себе, десятилетнему, генерал Иволгин в своем псевдомемуарном литературном опусе.

Ключевым пушкинским текстом для вымышленной истории Иволгина о Наполеоне является ода «Наполеон», написанная осенью 1821 года под воздействием известия о смерти Наполеона на острове Святой Елены, и позднее переработанная поэтом. По наблюдению О. С. Муравьевой, данное стихотворение «удивительно тем, что в сущности однозначно отрицательная оценка исторической роли и деяний Наполеона сочетается [в нем] с романтически-восторженной его характеристикой» [Муравьева, 1991, с. 11]. При этом если Пушкин в этой оде, к примеру, пророчит о будущем: «О ты, чьей памятью кровавой / **Мир долго, долго будет полн...**» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 304]; то генерал Иволгин, напротив, делится уже обстоятельствами своего реального взросления в прошлом: «**Мир был наполнен этим именем**; я, так сказать, с молоком всосал» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 413].

Сама ода начинается с того, что Пушкин в духе времени называет Наполеона «великим человеком» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 304]. Иволгин подхватывает это определение, настойчиво повторяя его снова и снова: «Мальчик, ребенок, не понимающий опасности, пробирается сквозь толпу, чтоб увидеть блеск, мундиры, свиту и, наконец, великого человека, о котором так много накричали ему» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 413]; «Русское сердце в состоянии даже в самом враге своего отечества отличить великого человека!» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 413]; «...но тем паче: как ребенок, я проникнул в самую интимную, так сказать, спальню „великого человека“!» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 414]. В последнем случае слова о Наполеоне как о «великом человеке» заключены автором в кавычки, что дополнительно подчеркивает их как литературную цитату.

По всей видимости, и другая цитата генерала, обращенная к Наполеону («великан в несчастье» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 414]) и до последнего времени не атрибутированная достоевистами, восходит именно к этой пушкинской оде:

И все как буря, закипело;  
Европа свой расторгла плен;  
Во след тирану полетело,  
Как гром, проклятие племен.  
И длань народной Немезиды  
Подъяту видит **великан**:  
И до последней все обиды  
Отплачены тебе, тиран!

[Пушкин, 1855—1857, т. 2, с. 306].

В этом же стихотворении Пушкин называет Наполеона, находящегося в зените славы, «счастливец», и отмечает, что тот долгое время веровал душой в «свое погибельное счастье». При жизни поэта строки о «счастливец» и «погибельном счастье» были изъяты цензурой и так и не были напечатаны, однако в издании Анненкова они приведены в седьмом, заключительном томе под заглавием «Неизданные строфы из оды „Наполеон“» [Пушкин, 1855 — 1857,

т. 7, стр. 57 — 58], и Достоевский, разумеется, знал полный вариант стихотворения. Момент, когда «любимый сын и счастья и Беллоны» (так поэт называет Наполеона в «Воспоминании в Царском Селе» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 86]) превратился в «великана в несчастьи», Пушкин соотносит с тем же событием, которое лежит в основе и рассказа Иволгина, а именно с месячным пребыванием французов в Москве осенью 1812 года. Об этой перемене судьбы проникновенно говорится в раннем пушкинском стихотворении лицейского периода «Наполеон на Эльбе» (1815), где император французов называет «счастье» своим «тайным хранителем» и «злым обольстителем», который изменил ему в России, когда «туча грозная нависла над Москвою, и грянул мести гром» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 79 — 80]. Об этом же поэт пишет и в седьмой главе «Евгения Онегина», когда называет оставление русскими Москвы «последним счастьем» Наполеона [Пушкин, 1855 — 1857, т. 4, стр. 165]. Таким образом, Иволгин, говоря о «великане в несчастьи», контаминирует целый ряд пушкинских текстов из анненковского издания, смысловые линии которых сходятся в оде «Наполеон». Важным аргументом в пользу этого является множественный характер обращений героя к тексту и сюжету именно этого стихотворения, причем, как мы знаем, в большинстве случаев использования в своей речи цитат Иволгин вовсе не повторяет машинально чужие слова<sup>3</sup>, но с энтузиазмом дополняет и *исполняет* их. Например, то, что у Пушкина представлено как завет гипотетическим путешественникам будущего:

И знойный остров заточенья  
 Полнощный парус посетит,  
 И путник слово примиренья  
 На оном камне начертит <...>

[Пушкин, 1855—1857, т. 2, с. 306];

Иволгин воспринимает как руководство к личному действию: «И знаете ли, я чуть не уехал за ним в Париж и, уж конечно, разделил бы с ним „знойный остров заточенья“, но увы! судьбы наши разделились!» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 417].

Внешность Наполеона также описывается Иволгиным с опорой на известные художественные образцы. Остановимся на одной такой яркой и значимой черте, а именно на «мраке», увиденном десятилетним камер-пажом на нынешнем лице и в дальнейшей судьбе императора, которого в пору его могущества часто сравнивали с солнцем (см.: [Подосокорский, 20236]). Вот как об этом говорится в «Идиоте»: «Под конец, правда, он уже не плакал, слез не было, но только стонал иногда; но лицо его всё более и более **подергивалось как бы мраком**. Точно вечность уже осеняла его **мрачным крылом** своим» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 416]. Такое описание может отталкиваться от сочинений Пушкина, писавшего как о *помрачении* самого Наполеона в захваченной Москве, так и о его пребывании во «мраке ссылки» в последние годы жизни. Одним из первых о помраченном Наполеоне, с которого Бог «сорвал Свой луч» «среди бурных, мрачных туч» его «неистойвой гордыни», после чего тот «ринулся в мрак дебрь», писал в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества 1812 года» (1812) Г. Р. Державин [Собрание стихотворений, 2015, стр. 21 — 22]. У Пушкина же, который поначалу как будто опирается на державинский образец («С Кремлевского их рвав холма; / **С чела его в мрак искр косма**, / Сквозь дыма сыплясь, как комета, / Окровавляла твердь полсвета» [Собрание стихотворений, 2015, стр. 23]), впер-

<sup>3</sup> О неточности в цитатах, приводимых Иволгиным см.: [Достоевский, 2013—, т. 9, стр. 813]. К. А. Баршт в своей статье «Смерть и „позор“ генерала Иволгина в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“» показывает, каким непростым делом может быть попытка отыскать для них единственно верный источник [Баршт, 2020].

вые тема *помрачения* Наполеона также затрагивается в связи с его неудачным Московским походом, лишившим предводителя Великой армии привычного счастья. В ранней оде «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» поэт пишет:

Меч огненный блеснул за дымною Москвою!  
Звезда губителя потухла в вечной мгле,  
И пламенный венец померкнул на челе!  
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,  
Он землю Русскую не взвидел под собою

[Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, с. 76].

В другом лицейском стихотворении «Наполеон на Эльбе» Пушкин в похожем патриотическом ключе описывает «мрачны думы», которые теснятся в уме готовящегося вернуться к власти императора под нависшими над ним «мрачными» небом и луной [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 78]. И лишь в более поздней оде «Наполеон» поэт пишет уже о «неволе мрачной» и «мраке ссылки» Наполеона, на могиле которого, по его убеждению, снова горит «луч бессмертия» [Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 304, 307], «сорванный» с полководца в России Богом, согласно гимну Державина.

Прощаясь со своим русским камер-пажом при оставлении Москвы, Наполеон, как это следует из «воспоминаний» генерала Иволгина, оставил многозначительный автограф для «его сестры», содержащий призыв «никогда не лгать!»:

Он уже садился на коня. «Напишите мне что-нибудь в альбом моей сестры на память», — произнес я, робея, потому что он был очень расстроен и мрачен. Он вернулся, спросил перо, взял альбом. «Каких лет твоя сестра?» — спросил он меня, уже держа перо. «Трех лет», — отвечал я. «Petite fille alors»<sup>4</sup>. И черкнул в альбом:

«Ne mentez jamais!  
*Napoléon, votre ami sincère*»<sup>5</sup>.

Такой совет и в такую минуту, согласитесь, князь!

— Да, это знаменательно.

— Этот листок, в золотой рамке, под стеклом, всю жизнь провисел у сестры моей в гостиной, на самом видном месте, до самой смерти ее — умерла в родах; где он теперь — не знаю... <...> [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 417].

На первый взгляд, в этом фрагменте герой-сочинитель, известный как отъявленный лжец, настаивающий, однако, на том, что «невинная ложь для веселого смеха, хотя бы и грубая, не обижает сердца человеческого» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 411], прикрывается выдуманной младшей сестрой точно так же, как ранее господин Прохарчин — несуществующей «золовкой» [Подосокорский, 2022а, стр. 338], а на самом деле этот совет обращен к нему самому. Вместе с тем эта сцена может обыгрывать и слова А. С. Пушкина из его письма начала 1825 года, адресованного младшему брату Льву Сергеевичу Пушкину (1805 — 1852). В нем поэт весьма критически высказался относительно недавно изданных «Записок Наполеона» — *«Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité»*, t. 1 — 8, Paris, 1822 — 1825 (созданных на основе рукописей двумя адъютантами императора и его спутниками на Святой Елене: генерал-майором и душеприказчиком Наполеона Ш.-Т. Монтолоном и генерал-лейтенантом, бароном Г. Гурго). В частности, Пушкин заметил следующее: «**Наполеон поглупел — во-первых, лжет как ребенок**, 2) судит о таком-то

<sup>4</sup> «Еще совсем девочка» (франц.).

<sup>5</sup> «Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг» (франц.).

не как Наполеон, а как парижский памфлетер, какой-нибудь Прадт или Гизо. Мне что-то очень, очень кажется, что Bertrand<sup>6</sup> и Monthaulon подкуплены! Тем более что самых важных сведений имянно и не находится» [Библиографические записки, 1861, стб. 383]. Впервые это письмо было опубликовано в 1861 году в журнале «Библиографические записки», и Достоевский, с юности и до конца жизни чрезвычайно интересовавшийся всем, что связано с Пушкиным, вряд ли мог пропустить эту публикацию. Важно подчеркнуть, что и сам генерал Иволгин говорит о своем рассказе не просто как о спонтанном устном «воспоминании», но именно как о подготовленных к последующей публикации «записках», причем подчеркивает, что их следовало бы издать и перевести на другие языки только после его смерти. Последнее можно воспринимать как намек на реальную историю публикации «мемуаров» Наполеона, записанных спутниками императора французов на острове Святой Елены и опубликованных ими вскоре после его кончины:

— Да, конечно... — пробормотал князь почти с потерянным видом, — ваши записки были бы... чрезвычайно интересны.

Генерал, конечно, передавал уже то, что еще вчера рассказывал Лебедеву, и передавал, стало быть, плавно; но тут опять недоверчиво покосился на князя.

— Мои записки, — произнес он с удвоенною гордостью, — написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь! Если хотите, мои записки уже написаны, но... лежат у меня в ящике. Пусть, когда засыпят мне глаза землей, пусть тогда появятся и, без сомнения, переведутся и на другие языки, не по литературному их достоинству, нет, но по важности громадных фактов, которых я был очевидным свидетелем, хотя и ребенком... [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 414].

Под конец своей вымышленной истории Иволгин настолько внутренне сливается с трагической судьбой Наполеона, что все же оказывается в своем воображении на острове, где был заточен его кумир, хотя это происходит уже после беседы с Мышкиным, в сцене перед роковым ударом генерала-наполеониста. В оде Пушкина финал жизни Наполеона на острове Святой Елены описан так:

Где, иногда, в своей пустыне  
Забыв войну, потомство, трон,  
Один, один о милом сыне  
В уныньи горьком думал он.

[Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 307].

Генерал Иволгин, порвав с прежними друзьями (Лебедевым и Мышкиным) и забыв о своей семье, на глазах у своего младшего сына Коли грезит о сыне Наполеона, т. н. Римском короле, трижды вспоминает о титуле Наполеона II: «le roi de Rome...», и как будто даже пытается передать в наследство Коле Иволгину свой наполеонизм<sup>7</sup>: «...да будет и у тебя такой же мальчик... le roi

<sup>6</sup> В письме Пушкина соавтором Монтолона вместо барона Гурго ошибочно назван дивизионный генерал А. Г. Бертран, также входивший в небольшую свиту Наполеона на острове Святой Елены.

<sup>7</sup> Термин «наполеонизм» был давно в ходу в российской литературной и журнальной среде ко времени написания «Идиота». Например, Р. М. Зотов в труде «Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I» (1857) пишет о Луи-Наполеоне (будущем Наполеоне III): «Пылкий юноша, воспитанный в идеях наполеонизма, воображал, что одно имя его привлечет к нему всех» [Зотов, 1857, ч. 1, стр. 310]. Понятие «наполеонизм» использовали в своих статьях П. А. Вяземский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев и многие др. В журнале «Время», издаваемом старшим братом писателя М. М. Достоевским, в одной из критических статей, посвященной разбору «Жизни графа Сперанского» М. Корфа, сообщалось о том, как модное «подражание наполео-

de Rome...» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 419]. Заметим, что Иволгин патетически говорит не просто «о милом сыне», но именно о «Римском короле», то есть прежде всего о наследнике наполеоновской империи. Согласно свидетельству ряда мемуаристов, присутствовавших при смерти Наполеона, последние слова императора французов на самом деле были обращены к его сыну. Достоевский мог об этом прочесть, к примеру, в «Истории Консульства и Империи» (1845 — 1862) Адольфа Тьера, где сообщается: «Третьего [мая 1821 года] у него [Наполеона] начался бред, и среди бессвязных речей прозвучали отчетливые слова: „Мой сын. Армия. Дезе”» [Тьер, 2012 — 2014, кн. II, т. 4, кн. 2, стр. 797].

Рассмотрим в связи с образом генерала Иволгина еще один исключительно важный для наполеоновской темы в творчестве Достоевского концепт «дрожащей твари», также связанный с творчеством Пушкина (почти консенсусным в достоевистике является мнение, что выражение Родиона Раскольников «дрожащая тварь» восходит к Корану и стихам Пушкина из цикла «Подражания Корану» (1824)<sup>8</sup>). Т. А. Касаткина в своей недавней блестящей статье «О дрожащей твари в „Преступлении и наказании”» обосновала, что этот значимый концепт необходимо рассматривать в гораздо более широком контексте, с учетом всех употреблений в романе слов с корнем «дрожь» [Касаткина, 2025]. В романе «Идиот» мы видим, как Достоевский меняет наполнение этого концепта, исходя из новой авторской задачи и других параметров романного мира. Так, если в начале своего рассказа Ардалион Иволгин говорит (еще вполне в духе Раскольникова) о своей матери, «опоздавшей выехать из Москвы и **трепетавшей от страха**» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 412], то заканчивается путь самого генерала полным внутренним слиянием с Наполеоном, когда он, «**тоже как будто весь дрожа**», бредит о Римском короле (то есть Наполеоне II) [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 419]. Примечательно, что в «Идиоте» постоянно дрожат и все (без исключения!) другие герои-наполеонисты: князь Мышкин [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 6, 99, 136, 138, 139 и др.], Ганя Иволгин [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 71, 94, 131], Ипполит Терентьев [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 318, 320, 321 и др.]<sup>9</sup>. Иначе говоря, в этом романе Достоевского наполеонизм оказывается сроден исключительно дрожащей, страдающей, рефлексирующей «твари», а вовсе не властелину, на ком «не тело, а бронза» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 211].

В заключение отметим еще один важный аспект творческого диалога Иволгина с Пушкиным о наполеоновском мифе, касающийся *жизни сердца* великого человека. И. Л. Альми в своей статье 1992 года отмечает, что автор «Идиота» «поступает в прямом соответствии» с заветом Поэта [Альми, 1992, стр. 172] из стихотворения Пушкина «Герой» (1830), который дает отповедь Другу, ссылающемуся на правду «историка строгого», оценивающего исторических деятелей исключительно на основе голых и сухих фактов:

---

низму проложило себе дорогу и в Россию» перед войной 1812 года. (Время. Журнал литературный и политический. 1861. № 12. Критическое обозрение, стр. 143, 172). В словаре иностранных слов И. Ф. Бурдона «наполеонизмом» названа «приверженность к Наполеону» [Бурдона, 1865, с. 449]. Мы используем этот термин как явление, обозначающее психологическое подражание Наполеону, что отличается от политического следования наполеоновским принципам, обычно называемого *бонапартизмом*.

<sup>8</sup> Нами, впрочем, также высказана гипотеза о том, что еще одним источником этого выражения является пьеса Вольтера «Магомет» [Подосокорский, 2022б, стр. 97 — 101].

<sup>9</sup> О наполеонизме Мышкина подробнее см. [Подосокорский, 2007], о наполеонизме Гани и Ипполита: [Подосокорский, 2020]. Характерно, как в «Идиоте» два антагонистических состояния (по Раскольникову): «тварь дрожащая» и «право имеющий» — как будто наслаиваются друг на друга: «Говорите всё! Не лгите хоть раз в вашей жизни! — **дрожал и приказывал** Ипполит» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 345].

Тьмы низких истин мне дороже  
 Нас возвышающий обман.  
 Оставь герою сердце! Что же  
 Он будет без него? тиран!

[Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 513].

Однако авторская задача генерала Иволгина отнюдь не сводится к тому, чтобы оставить «сердце» Наполеону. Едва ли не более значимым для него является ответ на пушкинские строки из оды «Наполеон», в которых поэт указывает на непостижимость для французского завоевателя «сердца русских»:

Надменный! кто тебя подвигнул?  
 Кто обуял твой дивный ум?  
 Как сердца Русских не постигнул  
 Ты с высоты отважных дум?

[Пушкин, 1855 — 1857, т. 2, стр. 305].

Иволгин и в реальности, и в искусстве ищет у других (будь то Лебедев, Мышкин или Наполеон) не просто сердечного участия, но сердечного единения — высшей дружбы, всепонимающей и всепрощающей: «Я ищу одной дружбы и сердца, князь; я никогда не мог сладить с требованиями моего сердца»; «Нужно иметь сердце, чтобы понять!» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 404]; «Князь, я часто дарю мое сердце и почти всегда бываю обманут» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 410]. «Почти всегда» — относится, по большей части, к миру реальному, тогда как в мире грез и фантазий на чистосердечный порыв генерала с воодушевлением откликаются самые разные люди, о дружбе с которыми он время от времени «вспоминает» с восторгом. Одним из таких его воображаемых друзей, *постигших* его *русское сердце* и *полюбивших* его, стал Наполеон. Сам Иволгин сперва так говорит о своем отношении к нему: «Меня же влекло к нему сердце» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 415], но затем вкладывает в уста Наполеона слова о трех любящих императора «сердцах»: Римского короля, императрицы Жозефины и самого Иволгина [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 417]. И если ода Пушкина завершается призывом не возмущать «безумным укором» «развенчанную тень» Наполеона, то в рассказе Иволгина речь идет о состоявшемся *сердечном прощении* завоевателя и «смешении» с ним своих слез: «Мы разошлись: он — на знойный остров, где хотя раз, в минуту ужасной скорби, вспомнил, может быть, о слезах бедного мальчика, обнимавшего и простившего его в Москве; я же был отправлен в кадетский корпус, где нашел одну муштровку, грубость товарищей и...» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 417].

Князь Мышкин верно чувствует, что такого гостя, как генерал в его нынешнем состоянии, «надо было отпустить» «с облегченным сердцем» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 8, стр. 404], а сам генерал интуитивно понимает, что может рассчитывать на настоящее прощение, только если сам простит в вымышленном мире своего друга Наполеона и убедит его попросить прощения у оскорбленного им императора Александра. Однако план выправить жизнь одною только силою искусства не срабатывает, поскольку Иволгин остается исключительно «поэтом в душе».

## Список литературы

- Альми, 1992 — Альми И. Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне). — Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб., «Наука», 1992, стр. 163 — 172.
- Баршт, 2020 — Баршт К. А. Смерть и «позор» генерала Иволгина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — «Новое литературное обозрение», 2020, № 4 (164), стр. 217 — 232.
- Библиографические записки, 1861 — Библиографические записки: периодическое издание. М., В Типографии Грачева и комп., 1861. Т. III. 702 стб.
- Библиотека Достоевского, 2005 — Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., «Наука», 2005.
- Бурдона, 1865 — Бурдона И. Ф. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. М., Университетская типография, 1865.
- Волгин, 1993 — Волгин И. Л., Наринский М. М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе. — «Метаморфозы Европы», М., «Наука», 1993, стр. 127 — 164.
- Вольский, 2021 — Вольский А. Л. Французский император в немецком зеркале: Наполеон Гёльдерлина и Гофмана. — Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. Т. 18, стр. 63 — 87.
- Достоевский, 1972 — 1990 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., «Наука», 1972 — 1990.
- Достоевский, 2013 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб., «Наука», 2013 — (издание продолжается).
- Зотов, 1857 — Зотов Р. М. Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I: в 2 ч. СПб., Тип. Юлиуса Штауфа, 1857.
- Касаткина, 2020 — Касаткина Т. А. Смерть, новая земля и новая природа в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11), стр. 16 — 39.
- Касаткина, 2024 — Касаткина Т. А. «Мы с ним Пушкина читали, всего прочли»: «Пушкин, издание Анненкова». — Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: Коллективная монография. М., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2024, стр. 217 — 245.
- Касаткина, 2025 — Касаткина Т. А. О дрожащей твари в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29), стр. 28 — 45.
- Магарил-Ильяева, 2024 — Магарил-Ильяева Т. Г. Размышления о роли «Трех мушкетеров» Александра Дюма-отца в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — «Достоевский и мировая культура». Филологический журнал. 2024, № 3 (27), стр. 81 — 109.
- Макаричев, 2018 — Макаричев Ф. В. «Вранье — дело милое!» Ложь в художественном мире Ф. М. Достоевского. — «Русская речь», 2018, № 4, стр. 15 — 30.
- Муравьева, 1991 — Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды»). — Пушкин: Исследования и материалы. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., «Наука». Ленинградское отделение, 1991. Т. 14, стр. 5 — 32.
- Подосокорский, 2007 — Подосокорский Н. Н. Наполеонизм князя Мышкина. — «Литературоведческий журнал». Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. 2007, № 21, стр. 113 — 125.
- Подосокорский, 2009 — Подосокорский Н. Н. Наполеоновский миф в романе «Идиот»: биография генерала Иволгина. — «Русская литература», 2009, № 1, стр. 145 — 153.

Подосокорский, 2010 — Подосокорский Н. Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне. — Достоевский: Материалы и исследования. СПб., «Наука», 2010. Т. 19, стр. 182 — 191.

Подосокорский, 2020 — Подосокорский Н. Н. Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал». 2020, № 1 (9), стр. 31 — 50.

Подосокорский, 2022а — Подосокорский Н. Н. «Наполеон вы, что ли, какой?»: «Наполеонова память» в рассказе Ф. М. Достоевского «Господин Прохарчин». — «Меры не знал я, смертных любя»: к 90-летию российского филолога Владимира Серафимовича Вахрушева (1932 — 2011). Ред.-сост. Л. В. Комуцци и П. С. Глушаков. СПб., «Росток», 2022, стр. 329 — 341.

Подосокорский, 2022б — Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2022, № 2 (18), стр. 89 — 143.

Подосокорский, 2023а — Подосокорский Н. Н. Книга Ж. Б. А. Шарраса о Ватерлооской кампании в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — «Литературный факт», 2023, № 4 (30), стр. 128 — 147.

Подосокорский, 2023б — Подосокорский Н. Н. Наполеон-Солнце в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2023, № 2 (22), стр. 57 — 105.

Пушкин, 1855 — 1857 — Пушкин А. С. Сочинения Пушкина, с приложением материалов для его биографии портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. Издание П. В. Анненкова: в 7 т. СПб.: в типографии Штаба военно-учебных заведений, в типографии Эдуарда Праца, 1855 — 1857.

Собрание стихотворений, 2015 — Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. Подгот. текстов и приложений И. А. Айзикова, В. С. Киселёв, Н. Е. Никонова. М., «Языки славянской культуры», 2015.

Тьер, 2012—2014 — Тьер А. История Консульства и Империи. Кн. I — II. Перевод с французского О. Вайнер. М., «Захаров», 2012 — 2014.

